„Было бы большой ошибкой держаться довольно распространеннаго мнѣнія — говоритъ И. Бунаковъ въ выдающейся по своимъ достоинствамъ статьѣ: „Экономика и Политика въ русскомъ освободительномъ движеніи“ [1]) — что реформа, которая приведетъ несомнѣнно вначалѣ къ сравнительно равномѣрному распредѣленію земельной площади между трудовымъ населеніемъ, можетъ сохранить эту равномѣрность на долгія времена и предотвратить возможность появленія нетрудового хезяйства. Примѣръ той же Западной Европы показываетъ намъ наоборотъ, что *при господствѣ частной собственности* въ странахъ съ мелкимъ землевладѣніемъ намѣчаются два довольно опредѣленно выраженныхъ процесса: съ одной стороны, процессъ раскаливанія участковъ и возникновенія парцеллярнаго „карликоваго“ хозяйства, съ другой — процессъ округленія зажиточныхъ дворовъ, ведущихъ свое хозяйство съ помощью двухъ-трехъ батраковъ“.

Такъ какъ трудно допустить, чтобы ученые экономисты, являющіеся теоретическими выразителями аграрныхъ проектовъ нашей буржуазной демократіи, были не знакомы какъ съ принципіальной, такъ и съ фактической стороной дѣла въ вопросѣ о частной собственности на землю, то остается только одно возможное предположеніе, а именно: сознательная или безсознательная склонность съ ихъ стороны къ поддержанію экономическихъ основъ буржуазнаго строя.

Извѣстно, что русскіе социалдемократы, которымъ никто не можетъ отказать въ знакомствѣ съ основами и условіями процвѣтанія буржуазнаго экономическаго строя, также стоятъ на сторонѣ сохраненія частнаго землевладѣнія въ Россіи, но вѣдь они такъ прямо и заявляютъ, что хлопочутъ о введеніи русской деревни въ условія буржуазнаго развитія. Какъ ни относиться къ ихъ теоретическимъ построеніямъ, но во всякомъ случаѣ это — принципіальная постановка вопроса. И вотъ, оставаясь именно на принципіальной почвѣ и отбрасывая въ сторону всякаго рода филантропическія и буржуазно-демократическія утопіи, социально-революціонная экономическая школа выдвигаетъ, въ противовѣсъ теоріи капиталистическаго развитія, свою аграрную программу, построенную на требованіи социализаціи земли.

[1]) „Народный Вѣстникъ“, № 3—4, стран. 46, 47.

Къ вопросу о минимальной программѣ.

Главное отличіе минимальной программы социально-революціонной школы отъ социалдемократической минимальной программы заключается въ томъ, что требованія первой въ области социальныхъ отношеній далеко выходятъ за предѣлы существующаго экономическаго строя, тогда какъ требованія минимальной программы партіи социалдемократовъ ограничиваются лишь такими улучшеніями въ условіяхъ наемнаго труда и положеніи рабочаго класса, которыя еще не подрываютъ самыхъ основъ буржуазно-демократическаго общества и вполнѣ совмѣстимы съ дальнѣйшимъ развитіемъ капиталистическаго способа производства.

Эти программныя различія, касающіяся минимальныхъ требованій, связаны съ очень существенными различіями въ общихъ представленіяхъ той и другой школы о самыхъ условіяхъ развитія социалистическаго движенія, — что, въ свою очередь, связано съ еще болѣе коренными различіями во взглядахъ на тѣ философскія и экономическія предпосылки, которыя должны быть положены въ основу научнаго обоснованія социализма.

Теоретическое обоснованіе социалдемократической программы связано, какъ извѣстно, съ философской системой экономическаго матерьялизма, разсматривающаго всякое общественное движеніе, какъ непосредственное отраженіе тѣхъ измѣненій, какія происходятъ въ области экономическихъ отношеній, подъ вліяніемъ развитія производительныхъ силъ страны и техническаго усовершенствованія орудій производства. Согласно этому взгляду, социалистическое движеніе въ нѣдрахъ капиталистическаго общества всецѣло обусловливается, какъ въ своемъ первоначальномъ зарожденіи такъ и на всѣхъ дальнѣйшихъ стадіяхъ своего развитія, промышленнымъ движеніемъ внутри этого капиталистическаго общества, т.-е. непрерывнымъ развитіемъ капиталистическаго способа производства:

„Мы исходимъ изъ того основнаго положенія, — говоритъ Каут-